

Фантастический рассказ

Печатаемый рассказ известного американского фантаста Эрика Фрэнка Расселла отражает присущую ряду его произведений сатирическую направленность против солдафонства и бюрократизма, насаждаемых американской военщиной.

Давно уже на борту корабля «Бастлер» не было такой тишины. Он стоял на огромном бетонном поле космопорта Сириус с выключенным двигателем, холодными дюзами. Испещренной многочисленными шрамами защитной поверхностью корпуса корабль был похож на измученного бегуна на длинные дистанции после финиша марафона. Для такого вида у космического корабля «Бастлер» были все основания: он только что вернулся из продолжительного полета, где далеко не все шло гладко.

И вот теперь в космопорте гигантский корабль наслаждался заслуженным, хотя и временным, отдыхом. Тишина, наконец тишина. Никаких тебе тревог, никаких беспокойств, никаких за-

труднений, возникающих в свободном полете по крайней мере два раза в сутки. Одна тишина, тишина и покой.

Капитан Макнаут сидел в кресле, положив ноги на письменный стол и расслабив все мышцы своего крепкого тела. Он до предела использовал тишину и покой своей каюты. Атомные двигатели были выключены, и в первый раз за много месяцев грохот машин корабля не бил капитана по голове подобно паровому молоту. Почти вся команда к. к. «Бастлер» была в увольнении, и все они, почти четыреста человек, предавались самому безудержному веселью в соседнем большом городе, залитом яркими лучами солнца. Вечером, как только первый помощник капитана Грегори вернется на борт, капитан Макнаут сам сойдет с корабля и отправится в благоухающие сумерки, чтобы насладиться плодами освещенной неоном цивилизации.

Как приятно находиться, наконец, на твердой земле! Команда получает возможность отвлечься, «выпустить лишний пар», индикаторно говоря. Что каждый делает по-своему. Никаких забот, никаких обязанностей, никаких опасностей. Безопасность и покой — награда усталым скитальцам!

Бурман, старший радиоофицер, вошел в каюту. Он был одним из шести членов экипажа, вынужденных остаться на борту корабля, и его лицо ясно показывало, что ему известно по крайней мере двадцать более приятных методов времяпрепровождения.

— Только что прибыла радиограмма, сэр, — он протянул листок бумаги с печатным текстом и остановился рядом, ожидая ответа.

Капитан Макнаут взял радиограмму, снял ноги со стола, выпрямился и, заняв приличествующее командиру корабля положение, прочитал вслух содержание:

— ЗЕМЛЯ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ БАСТЛЕРУ тчк ОСТАВАЙТЕСЬ СИРИПОРТУ ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ тчк КОНТР-АДМИРАЛ У. КЭССИДИ ПРИБЫВАЕТ СЕМНАДЦАТОГО тчк ФЕЛДМАН ОТДЕЛ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ СИРИСЕКТОР.

Капитан поднял лицо, с которого мгновенно исчезли все следы удовлетворения и покоя, и громко застонал.

— Что-нибудь случилось? — спросил Бурман, чуя неладное.

Макнаут показал на стопку тонких книг у себя на столе.

— Средняя. Страница двадцать.

Бурман поспешно перелистал несколько страниц и нашел нужный параграф: «Вэйн У. Кэссиди, контр-адмирал. Должность — главный инспектор кораблей и складов».

У Бурмана неожиданно пересохло в горле, и он тщетно пытался сделать глотательное движение.

— Это значит...

— Да, — подтвердил Макнаут без всякого удовольствия. — Опять как в военной школе и тому подобное. Краска и мыло, чистить и полировать. — Он придал лицу непроницаемое выражение и заговорил до тошноты официальным голосом: — Капитан, инвентаризация показала, что у вас в наличии всего семьсот девяносто девять аварийных пайков, а по штатному расписанию числится восемьсот. Запись в вахтенном журнале о недостающем пайке отсутствует. Где он? Что с ним случилось?

Почему у одного из членов экипажа отсутствует пара казенных подтяжек? Вы сообщили об их исчезновении?

— Почему он взялся именно за нас? — спросил Бурман с выражением ужаса на лице. — Он никогда раньше нас не замечал.

— Именно поэтому, — сказал Макнаут, глядя на стену с видом мученика. — Теперь наша очередь получить взбучку. — Отсутствующий взгляд капитана остановился, наконец, на календаре. — У нас есть еще три дня — за это время многое можно сделать. Ну-ка, вызови ко мне второго офицера Пайка.

Бурман ушел с несчастным выражением на лице. Через некоторое время в каюту вошел Пайк. Выражение его лица подтверждало древнюю истину, что плохие новости распространяются очень быстро.

— Немедленно выпиши требование на сто галлонов краски, темно-серой, высшего качества. И второе требование, на тридцать галлонов белой эмалированной краски для внутренних помещений. Немедленно отправь требования на склад космопорта и позаботься о том, чтобы краска вместе с необходимым количеством кистей и пульверизаторов была здесь к шести вечера. Прихвати весь протирочный материал, который у них плохо лежит.

— Команде это не понравится, — заметил Пайк, делая слабую попытку к сопротивлению.

— Ничего, понравится, — заверил его Макнаут. — Чистый, с иголки корабль оказывает благоприятное воздействие на моральное состояние экипажа — именно так записано в Уставе Космической Службы. Давай принимайся за дело и немедленно посылай требования на краску. Затем возьми списки оборудования и инвентарного имущества и приходи ко мне. Мы должны провести инвентаризацию до прибытия Кэссиди. После того как он приступит к проверке, мы уже не сможем пополнить нехватку одних предметов табельного имущества или сбавить с корабля другие, которые окажутся в избытке.

— Есть, сэр, — Пайк повернулся и вышел из каюты. На его лице было такое же траурное выражение, как у Бурмана.

Откинувшись на спинку кресла, Макнаут бормотал что-то себе под нос. Им владело смутное подсознательное чувство, что в последнюю минуту все усилия пойдут прахом. Недостаток табельного имущества — достаточно серьезная вещь, если исчезновение не было отмечено в предыдущем отчете. Избыток же табельного имущества — гораздо более серьезная штука. Если первое означает небрежность или халатность в хранении, то второе может значить только преднамеренное воровство казенного имущества при попустительстве командира корабля.

Возьмите, например, недавний случай с Уильямсом, командиром тяжелого космического крейсера «Свифт», слухи о котором распространились по всему флоту; Макнаут узнал об этом от знакомого капитана, когда «Бастлер» пролетел мимо Вутса. При проверке табельного имущества на борту крейсера «Свифт» выяснилось, что Уильямс незаконно имел на корабле одиннадцать катушек провода для электрифицированных заграждений, в то время как по штатному расписанию ему полагалось только десять. В дело вмешался военный прокурор, и понадобилось длительное разбирательство этого из ряда вон выходящего слу-

чая. Правда, в конце концов оказалось, что этот лишний моток провода — который, между прочим, пользовался исключительным спросом на одной из отдаленных планет, — не был украден из складов Космической Службы, или, на космическом жаргоне, «телепортирован» на корабль. Тем не менее Уильямс получил фитиль, что мало помогает продвижению по служебной лестнице.

Он продолжал размышлять, ворча что-то себе под нос, когда дверь распахнулась и вошел Пайк с папкой, раздувшейся от бумаг.

— Собираетесь начать инвентаризацию немедленно, сэр?

— Нам ничего другого не остается, — капитан выпрямился, посылая последнее «прощай» своему отдыху в городе и его ярким праздничным огням. — Нам потребуется куча времени на осмотр корабля от носа до кормы, так что осмотр личного имущества экипажа проведем в конце.

Выйдя из каюты, Макнаут направился в нос корабля; за ним тащился Пайк с видом мученика.

Когда они проходили мимо главного входного люка, их заметил корабельный пес Пизлейк, гревшийся на солнышке рядом с трапом. В два прыжка Пизлейк взлетел по трапу и замкнул шестиве. Это был огромный пес, родители которого обладали неисчерпаемым энтузиазмом, но мало заботились о чистоте породы. Пизлейк был полноправным членом экипажа и с гордостью носил ошейник с надписью «ПИЗЛЕЙК — имущество к.к. «Бастлер». Основной обязанностью пса, с которой он превосходно справлялся, было не допускать местных грызунов к трапу корабля и в редких случаях обнаруживать опасность, недоступную человеческому глазу.

Все трое маршировали по коридору: Макнаут и Пайк с мрачной решимостью людей, жертвующих собой во имя долга, а Пизлейк, тяжело дыша и высунув язык на целый фут, был готов начать любую игру, какую бы ему ни предложили.

Войдя в носовое помещение, Макнаут тяжело опустился в кресло пилота и взял папку из рук Пайка.

— Ты знаешь все в этом аквариуме лучше меня — мое место в штурманской рубке. Поэтому я буду читать, а ты проверь наличие. — Он открыл папку, взял верхний лист и начал читать: — «К1. Компас направленного действия, тип Д, один».

— Есть.

— «К2. Индикатор направления и расстояния, электронный, тип ДжДж, один».

— Есть.

— «К3. Гравиметрические измерители левого и правого бортов, модель Кэсэйн, одна пара».

— Есть.

Пизлейк положил голову на колени Макнаута, посмотрел на него понимающими глазами и негромко завыл. Он понял, чем занимаются эти двое. Проверка каждого предмета по списку длиной в милю была чертовски скучной игрой. Макнаут успокаивающим жестом положил руку на голову пса и начал ласково перебирать его уши, не забывая в то же время выкликать очередной предмет.

— «К187. Подушки из пенорезины, две, на креслах пилота и второго пилота».

— Есть.

К тому времени как первый офицер Грегори поднялся на борт корабля, они уже добрались до крохотной рубки внутренней связи и копались там в пыли и полумраке. Пизлейк, полный невыразимого отвращения, уже давно ушел.

— «M24. Запасные громкоговорители, трехдюймовые, тип T2, один комплект из 6 штук».

— Есть, — донесся заунывный ответ.

Выпучив от удивления глаза, Грегори заглянул в рубку и спросил:

— Что здесь происходит?

— Скоро нам предстоит генеральная инспекция, — ответил Макнаут, поглядывая на часы. — Пойди проверь, прибыли ли окрасочные материалы, и если нет, то почему. Затем приходи сюда и помоги мне с проверкой. Пайку надо заняться другими делами.

— Значит, увольнение в город отменяется?

— Конечно, до тех пор, пока не уберется этот начальник венников и командующий пайками. — Капитан посмотрел на Пайку. — Когда будешь в городе, постарайся найти и прислать на корабль как можно больше ребят. Никакие причины или объяснения во внимание не принимаются. Никаких алиби или задержек. Это приказ.

Лицо Пайки приняло еще более несчастное выражение. Грегори сердито посмотрел на него, вышел, через минуту вернулся обратно и доложил: «Окрасочные материалы придут через двадцать минут». С грустью на лице он посмотрел вслед уходящему Пайку.

— «M47. Телефонный кабель, витой, экранированный, три катушки».

— Есть, — сказал Грегори, проклиная себя. И угораздило же его вернуться на корабль именно сейчас!

Работа продолжалась до позднего вечера и была возобновлена рано утром. К этому времени уже три четверти команды было занято работой как внутри, так и снаружи корабля, с видом людей, приговоренных к каторге за задуманные, но еще не совершенные преступления.

Передвигаться внутри корабля по узким коридорам и переходам приходилось наподобие краба, на четвереньках, что еще раз доказывало, что высшая форма жизни на Земле страдает хроническим страхом перед свежей краской. Капитан объявил во всеуслышание, что тот, кто коснется свежеекрасочной поверхности, будет горько жалеть о своем проступке и что жизнь несчастного сократится по меньшей мере на десять лет.

Именно в этих условиях, на исходе второго дня, оказалось, что зловещие предчувствия Макнаута начинают оправдываться. Они уже заканчивали девятую страницу инвентарного списка в кухне корабля, а шеф-повар Жан Бланшар подтверждал присутствие и действительное наличие перечисляемых предметов, когда они, образно говоря, натолкнулись на рифы и стремительно пошли ко дну.

Макнаут пробормотал скучным голосом:

— «В1097. Кувшин для питьевой воды, эмалированный, один».

— Здесь, — ответил Бланшар, постучав по нему пальцем.

— «В1098. Офес, один».

— Что? — спросил Бланшар, широко раскрыв от изумления глаза.

— «В1098. Офес, один», — повторил Макнаут. — Ну чего ты смотришь на меня, как громом пораженный? Это корабельный камбуз, не правда ли? Ты шеф-повар, верно? Кто, по-твоему, должен знать, что находится в камбузе? Ну, где этот офес?

— Первый раз о нем слышу, — решительно заявил повар.

— Ты должен был слышать о нем. Он записан вот в этом списке табельного имущества камбуза четким и понятным шрифтом. «Офес, один», — написано здесь. Список табельного имущества составлялся при приемке корабля. Мы сами проверяли наличие этого офеса и расписались в этом.

— Ни за какого офеса я не расписывался, — Бланшар отрицательно покачал головой. — В камбузе нет такой штуки.

— Посмотри сам! — с этими словами Макнаут сунул ему под нос инвентарный список.

Бланшар посмотрел на список и осуждающе покачал головой.

— Послушай, у меня есть электрическая печь, одна. Кипятильницы, покрытые кожухами, с увеличенной вместимостью, один комплект. Есть сковороды, шесть штук. А вот офеса нет. Я никогда даже не слышал о нем. Представления не имею, что это такое. — Он выразительно развел руками и покачал головой. — Нет у меня в кухне офеса.

— Но ведь должен же он где-то быть, — настаивал Макнаут. — Если Кэссиди обнаружит, что его нет, поднимется черт знает какой шум.

— А вы сами поищите его, — язвительно предложил Бланшар.

— Послушай, Жан, у тебя диплом выпускника Кулинарной Школы Международной Ассоциации отелей, у тебя диплом Колледжа поваров Гордон Блю, у тебя есть, наконец, диплом с тремя похвальными отзывами Центра Питания Космического Флота, — напомнил ему Макнаут. — И при всем этом ты не знаешь, что такое офес!

— Святая дева! — завопил Бланшар, яростно жестикулируя обеими руками. — Я уже сказал вам десять тысяч раз, что у меня нет никакого офеса. И никогда не было. Сам Эскуафье не смог бы его найти, ибо никакого офеса в кухне нет. Что я, волшебник, что ли?

— Этот офес — часть кухонного имущества, — стоял на своем Макнаут. — И он должен где-то быть, потому что он упоминается на девятой странице инвентарного списка. А девятая страница означает, что ему надлежит находиться в помещении корабельной кухни и что лицом, ответственным за его хранение, является шеф-повар.

— Черта с два, — огрызнулся Бланшар. — Усилитель внутренней связи, он что, тоже мой? — спросил повар, указывая на металлический ящик в углу под потолком.

Макнаут подумал несколько мгновений и ответил примирительно:

— Нет, он относится к имуществу Бурмана. Его хозяйство располозлось по всему кораблю.

— Вот и спросите его, куда он дел свой проклятый офес! — заявил Бланшар с нескрываемым чувством триумфа.

— Я так и сделаю. Если офес не твой, он должен принадлежать ему. Давай только закончим сначала с кухней. Если инвентаризация не будет тщательной и систематической, Кэссиди разжалует меня в рядовые. — Глаза капитана вернулись к списку. — Продолжаем. «В1099. Ошейник с надписью, кожаный, с бронзовыми бляхами, для собаки, один». Можешь не искать его, Жан. Я только что видел его на собаке. — Макнаут поставил аккуратную «птичку» около ошейника и продолжал: — «В1100. Корзина для собаки, плетеная, из прутьев, одна».

— Вот она, — сказал повар, pinkом отшвыривая ее в угол.

— «В1101. Подушка из пенорезины, комплект с корзиной, одна».

— Половина подушки, — поправил его Бланшар. — За четыре года он изжевал другую половину.

— Может быть, Кэссиди позволит нам выписать со склада новую. Ну ладно, это не имеет значения. Пока налицо хотя бы половина, все в порядке. — Макнаут встал и закрыл папку. — Ну, с кухней покончено. Пойду поговорю с Бурманом относительно исчезнувшего табельного имущества.

Бурман выключил приемник УВЧ, снял наушники и вопросительно посмотрел на капитана.

— При осмотре камбуза выявилась недостача одного офеса, — объявил Макнаут. — Как ты думаешь, где он?

— Откуда мне знать? Камбуз — царство Бланшара.

— Не совсем так. Твои кабели проходят через камбуз. Там у тебя два конечных приемника, автоматический переключатель и усилитель внутренней связи. Так где же находится офес?

— В первый раз о нем слышу, — озадаченно пожал плечами Бурман.

— Перестань болтать глупости! — заорал Макнаут, теряя всякое терпение. — Бланшар утверждает, что он никогда о нем не слышал. Ты утверждаешь, что никогда о нем не слышал. Послушай, где вы все были, когда четыре года тому назад производилась приемка всего корабельного имущества? Четыре года назад у нас был офес. Посмотри на инвентарные списки! Это корабельная копия списка, и под ней стоит моя подпись. Мы проверили наличие имущества и расписались в этом. Значит, мы расписались и за офес. Поэтому он должен где-то быть, и его надо найти до приезда Кэссиди.

— Очень жаль, сэр, — выразил свое сочувствие Бурман, — но я ничем не могу вам помочь.

— Подумай еще раз, — посоветовал Макнаут. — В носу расположи указатель направления и расстояния. Как вы его называете?

— Напрас, — признался Бурман, не понимая, куда клонит капитан.

— А как, — продолжал Макнаут, указывая на пульсовой передатчик, — ты называешь вот эту штуку?

— Пуль-пуль.

— Детские слова, а? Напрас и пуль-пуль. А теперь напряги свои извилины и вспомни, как назывался офес четыре года тому назад.

— Насколько мне известно, — ответил Бурман, — у нас никогда не было ничего похожего на офес.

— Тогда, — потребовал Макнаут, — почему мы за него расписались?

— Я ни за что не расписывался. Это вы расписывались за всех.

— Да, в то время как вы все проверяли наличие. Четыре года тому назад, очевидно, в камбузе, я произнес: «Офес, один», — и кто-то из вас, ты или Бланшар, ответил: «Есть». Я поверил вам на слово. Мне приходится верить начальникам служб. Я специалист по штурманскому делу и хорошо знаком со всеми новейшими навигационными приборами, но я ничего не понимаю в других областях. Таким образом, мне пришлось положиться на слово кого-то, кто знал, что такое офес.

Внезапно Бурману пришла в голову отличная мысль:

— Когда производилось переоборудование корабля, масса самых разнообразных приборов и приспособлений была рассована по коридорам, около главного входного люка и в кухне. Помните, сколько времени потребовалось, чтобы установить их в надлежащих местах? Этот самый офес может оказаться теперь где угодно, совсем не обязательно у меня или у Бланшара.

— Я поговорю с другими офицерами, — согласился Макнаут. — Он может быть у Грегори, Уорта, Сандерсона или еще у кого-нибудь. Как бы то ни было, а офес должен быть найден. Или, если он отслужил свой срок и пришел в негодность, об этом должен быть составлен соответствующий акт.

Капитан вышел. Бурман състроил вслед ему гримасу, надел на голову наушники и возобновил копание в радиоприемнике. Примерно через час Макнаут вернулся с расстроенным лицом.

— Несомненно, — заявил он с некоторой долей раздражения, — на борту корабля нет такого прибора. Никто о нем не слышал. Мало того, никто не может даже предположить, что это такое.

— Вычеркните его из инвентарных списков и доложите о его исчезновении, — предложил Бурман.

— Это когда мы находимся в космопорту? Ты знаешь не хуже меня, что все случаи утраты или повреждения имущества должны немедленно докладываться на базу. Если я скажу Кэсиди, что офес был утрачен, когда корабль находился в полете, он сейчас же захочет узнать, где, когда и при каких обстоятельствах это произошло и почему не было сообщено о случившемся на базу. Представь себе, какой будет скандал, если вдруг выяснится, что эта штука стоит полмиллиона кредитов. Нет, я не могу так просто избавиться от этого самого офеса.

— Что же тогда делать? — простодушно спросил Бурман, попадая прямо в ловушку, приготовленную хитрым капитаном.

— У нас есть один и только один выход! — объявил Макнаут. — Ты должен изготовить офес!

— Кто? Я? — испуганно спросил Бурман.

— Ты, и никто другой. Тем более что я почти уверен, что офес принадлежит к твоему имуществу.

— Почему вы так думаете?

— Потому что это слово типично для твоих приборов. Все эти детские словечки, знаешь: напрас, пуль-пуль, офес. Я готов поспорить на месячный оклад, что офес — это какая-нибудь высоконаучная аламагуса. Может быть, он имеет отношение к туману. Какой-нибудь прибор слепой посадки.

— Датчик слепой посадки называется «щупак», — проинформировал капитана Бурман.

— Вот видишь! — воскликнул Макнаут, как будто слова радиоофицера подтвердили его теорию. — Так что принимайся-ка за работу и состряпай офес. Он должен быть готов к шести вечера завтрашнего дня и доставлен ко мне для осмотра. И позаботься о том, чтобы офес выглядел убедительно, более того, приятно. То есть я хочу сказать, чтобы его назначение и действие выглядели убедительно.

Бурман встал с опущенными руками и сказал хриплым голосом:

— Как я могу изготовить офес, когда не знаю даже, как он выглядит?

— Кэссиди тоже не знает этого, — напомнил ему с радостной улыбкой Макнаут. — Он больше интересуется количеством, чем другими вопросами. Поэтому он считает предметы, смотрит на них, соглашается с советами экспертов относительно степени их изношенности. Нам нужно всего-навсего состряпать убедительную аламагусу и сказать адмиралу, что это и есть офес.

— Святой Моисей! — воскликнул проникновенно Бурман.

— Давай не будем полагаться на сомнительную помощь библейских персонажей, — упрекнул его Макнаут. — Лучше воспользуемся серыми клетками, данными нам Создателем. Берись сейчас же за свой паяльник и состряпай к шести часам первоклассный офес. Это приказ!

Капитан отбыл, страшно довольный собой. Бурман, оставшись один в своей каюте, удрученно посмотрел на стену и облизнул губы, один раз, затем второй.

Контр-адмирал Вейн У. Кэссиди прибыл точно в указанное радиogramмой время. Он оказался коротеньким толстым человеком с красным лицом и глазами мертвой рыбы. Он не ходил, а важно выступал.

— А, капитан, я уверен, что все у вас уже в полном порядке.

— Как всегда, — заверил его Макнаут, не моргнув глазом. — Я считаю это своей основной обязанностью. — Голос его звучал с непоколебимой уверенностью.

— Отлично! — с одобрением отозвался Кэссиди. — Мне нравятся командиры, серьезно относящиеся к своим хозяйственным обязанностям. К сожалению, очень многие не принадлежат к их числу.

Адмирал торжественно поднялся по трапу и через главный люк вошел на корабль. Его рыбы глазки сейчас же обратили внимание на белую эмалевую краску.

— Как вы предпочитаете начать осмотр, капитан, с носа или с кормы?

— Инвентарные списки начинаются с носа и идут к корме. Потому лучше начать с носа. Это упростит дело.

— Отлично, — и адмирал, повернувшись, торжественно зашагал к носу. По дороге он остановился потрепать по шее Пизлейка и попутно глянул на его ошейник. — Хорошо ухоженная собака, капитан. Она оказалась полезной на корабле?

— Пизлейк спас жизнь пятерым членам экипажа на Мардии, когда его лай предостерег команду, сэр.

— Несомненно, детали этого происшествия занесены в бортовой журнал?

— Так точно, сэр! Бортовой журнал находится в штурманской рубке в ожидании вашего просмотра.

— Мы проверим его в надлежащее время, — войдя в носовую рубку, Кэссиди расположился в кресле первого пилота, взял протянутую капитаном папку и начал проверку. — «K1. Компас направленного действия, тип Д, один».

— Вот он, сэр, — сказал Макнаут, указывая на компас.

— Удовлетворены его работой?

— Так точно, сэр!

Инспекция продолжалась. Адмирал проверил оборудование в рубке внутренней связи, вычислительной рубке и других местах и добрался, наконец, до камбуза. У плиты стоял Бланшар в отутюженном ослепительно белом халате и подозрительно смотрел на адмирала.

— «B147. Электрическая печь, одна».

— Вот она, — сказал Бланшар, презрительно тыкая пальцем в плиту.

— Довольны ее работой? — спросил Кэссиди, глядя на повара рыбьим взглядом.

— Слишком маленькая, — объявил Бланшар. Он развел руками, как бы охватывая весь камбуз. — Все слишком маленькое. Слишком мало места. Все такое маленькое, что негде повернуться. Этот камбуз похож на чердак в собачьей конуре.

— Это военный корабль, а не пассажирский лайнер, — огрызнулся Кэссиди. Нахмурившись, он посмотрел на инвентарный список. — «B148. Автоматические часы, электрическая печь, объединены в одну установку, один комплект».

— Вот он, — ткнул пальцем Бланшар, готовый выбросить их через ближайший иллюминатор, если, конечно, Кэссиди беретса оплатить их стоимость.

Кэссиди продвигался все дальше и дальше, приближаясь к концу списка, и нервное напряжение в кухне продолжало расти. Наконец он достиг критического пункта и произнес: — «B1098. Офес, один».

— Черт побери! — завопил Бланшар с пеной у рта. — Я говорил уже тысячу раз и снова повторяю...

— Офес находится в радиорубке, сэр, — поспешно прервал его Макнаут.

— Вот как? — Кэссиди еще раз взглянул в список. — Тогда почему он числится в кухонном оборудовании?

— Во время последнего ремонта офес был помещен в камбузе, сэр. Это один из портативных приборов, которые находятся там, где они более всего необходимы в настоящее время.

— Хм! Тогда он должен быть занесен в инвентарный список радиорубки. Почему вы не сделали этого?

— Я полагал, что лучше получить ваше указание, сэр.

Рыбки глазки несколько оживились, и в них промелькнуло одобрение.

— Да, пожалуй, вы правы, капитан. Я сам перенесу офес в другой список. — Он собственноручно вычеркнул прибор из списка номер девять, расписался, внес его в список номер шестнадцать и снова расписался. — Продолжим. «В1099. Ошейник с надписью, кожаный, с медными...» Ну ладно, я сам только что его видел. Он был надет на собаке.

Адмирал поставил «птичку» около ошейника. Через час он промаршировал в радиорубку. В середине ее стоял, расправив плечи, Бурман. Несмотря на решительную позу, руки и колени радиоофицера мелко дрожали, а выпученные глаза неотступно следовали за Макнаутом в молчаливой мольбе. Он походил на человека с горячим утюгом в штанах.

— «В1098. Офес, один», — произнес Кэссиди голосом, не терпящим возражения.

Двигаясь угловатыми движениями плохо отрегулированного робота, Бурман взял со стола небольшой ящик с многочисленными шкалами приборов, переключателями и цветными лампочками. По внешнему виду прибор напоминал соковыжималку в кошмарном сне радиолюбителя. Поставив ящик на стол около адмирала, радиоофицер щелкнул двумя переключателями. Цветные лампочки ожили и замигали самыми разнообразными комбинациями огней.

— Вот он, сэр, — с трудом произнес Бурман.

— Ага! — прокаркал Кэссиди и нагнулся к прибору, чтобы получше рассмотреть его. — Что-то я не помню такого прибора. Впрочем, за последнее время наука идет вперед такими шагами, что всех не упомнишь. Он функционирует нормально?

— Так точно, сэр!

— Это один из основных приборов на корабле, — прибавил Макнаут для пушей убедительности.

— Каково же его назначение? — спросил адмирал, поворачиваясь к радиоофицеру и давая ему возможность внести свою лепту в сокровищницу мудрости.

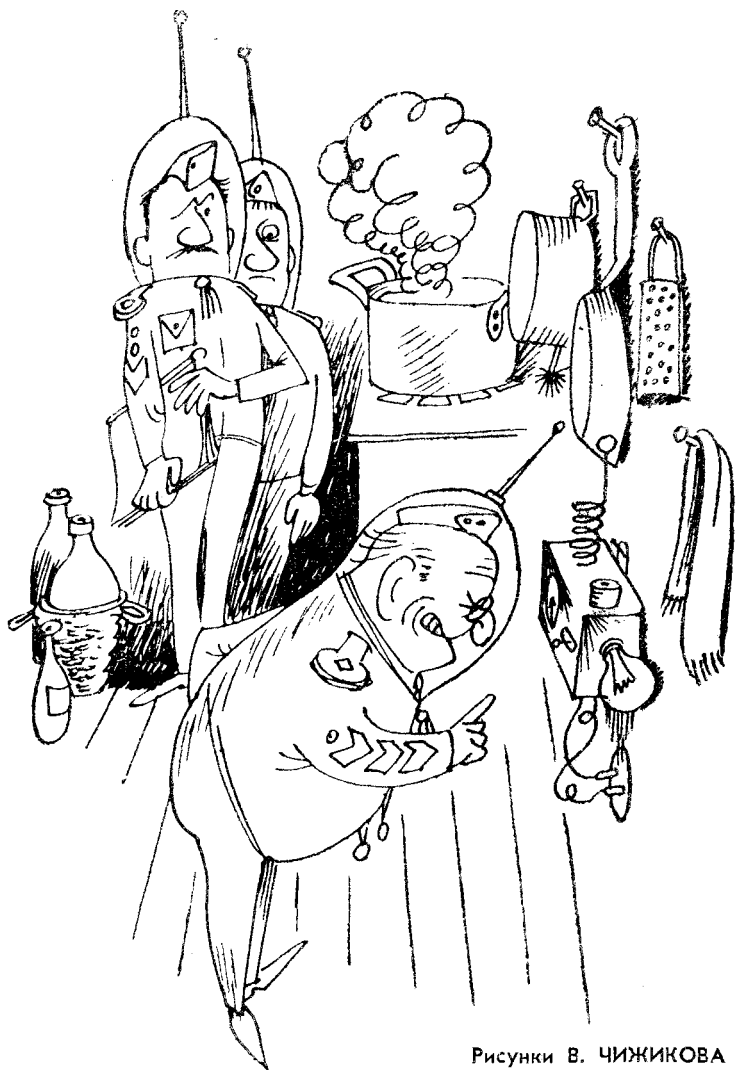
Бурман побледнел.

Макнаут поспешил ему на помощь:

— Видите ли, адмирал, подробное объяснение назначения и функций прибора слишком сложно и запутанно, но вкратце офес позволяет нам установить надлежащий баланс между противоположными гравитационными полями. Вариации цветных огней указывают на степень разбалансировки в уровне и размере гравитационного поля в каждый данный момент.

— Это очень тонкий прибор, — прибавил Бурман, исполненный внезапно отчаянной смелости, — основанный на константе Финагле.

— Понимаю, — кивнул Кэссиди, не поняв ни единого слова. Он устроился поудобнее в кресле, поставил «птичку» около офеса и продолжал инвентаризацию. — «Ц44. Коммутатор автоматический, на 40 номеров внутренней связи, один».

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

— Вот он, сэр.

Кэссиди посмотрел на коммутатор и вернулся к списку. Офицеры воспользовались этой минутой, чтобы вытереть пот с лица.

Итак, победа завоевана.

Все в порядке.

В третий раз, ха!

Контр-адмирал отбыл с к.к. «Бастлер» довольный, наговорив кучу комплиментов в адрес капитана. Не прошло и часа, как вся команда кинулась в город продолжать прерванные удовольствия. Макнаут наслаждался веселыми городскими огнями по очереди с Грегори. В течение следующих пяти дней на корабле царили мир и покой.

На шестой день Бурман принес радиограмму в каюту командира, положил ее на стол и остановился, ожидая реакции Макнаута. Лицо радиоофицера так и сияло, что легко можно было объяснить содержанием радиограммы: **ШТАБ-КВАРТИРА КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ БАСТЛЕРУ тчк ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ НЕМЕДЛЕННО ДЛЯ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА И ПЕРЕОБОРУДОВАНИЯ тчк БУДЕТ УСТАНОВЛЕН НОВЕЙШИЙ ДВИГАТЕЛЬ тчк ФИЛДМАН УПРАВЛЕНИЕ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ СИРИСЕКТОР.**

— Назад на Землю, — прокомментировал Макнаут со счастливым лицом. — Капитальный ремонт означает по меньшей мере месяц отпуска. — Он перевел взгляд на Бурмана. — Передай дежурным офицерам мое приказание: отправиться в город и немедленно вернуть на борт корабля весь личный состав. Когда команда узнает причину тревоги, они побегут сломя голову.

— Так точно, сэр, — ухмыльнулся Бурман.

И спустя две недели, когда Сирипорт остался далеко позади, а Солнце уже виделось как крошечная звездочка в носовом секторе звездного неба, все продолжали улыбаться. Еще одиннадцать недель полета, но на этот раз лишения были оправданы. Летим домой! Ура!

Улыбки внезапно исчезли в капитанской рубке, когда Бурман явился однажды с неприятным открытием. Он вошел в рубку и остановился посередине комнаты, жуя нижнюю губу и ожидая, пока капитан окончит запись в бортовом журнале.

Наконец Макнаут окончил запись, оттолкнул журнал, увидел Бурмана и нахмурился.

— Что с тобой случилось? Живот болит или что другое?

— Никак нет, сэр. Я просто размышлял.

— А что, это так болезненно?

— Я размышлял, — продолжал Бурман похоронным тоном. — Мы возвращаемся на Землю для капитального ремонта. Знаете, что это означает? Мы уйдем с корабля, и орда экспертов оккупирует его. — Он посмотрел на окружающих с трагическим выражением на лице. — ЭКСПЕРТОВ, я сказал.

— Конечно, экспертов, — согласился Макнаут. — Оборудование не может быть установлено и проверено группой кретингов.

— Потребуется что-то большее, чем знания и квалификация, чтобы установить и отрегулировать офес, — напомнил Бурман. — Для этого нужно быть гением.

Макнаут откинулся назад, как будто к его носу поднесли головешку.

— Святой Иуда! Я совсем забыл об этой штуке. Когда мы вернемся на Землю, вряд ли мы сумеем потрясти этих парней своими познаниями особенностей офеса.

— Нет, сэр, не сумеем, — подтвердил Бурман. Он не прибавил слова «больше», но его лицо как бы говорило: «Ты впутал меня в эту грязную историю. Ты должен теперь спасти меня».

Он подождал несколько мгновений, пока Макнаут что-то лихорадочно обдумывал, затем спросил: — Так что вы предлагаете, сэр?

Медленно лицо Макнаута озарилось довольной улыбкой, и он ответил:

— Разбери этот дьявольский прибор и кинь его в дезинтегратор.

— Это не решит проблемы. У нас все еще будет не хватать одного офеса.

— Нет, не будет. Я собираюсь сообщить о его гибели в связи с непредвиденными обстоятельствами и трудными условиями космического полета. — Он выразительно подмигнул Бурману. — Мы находимся сейчас в свободном полете. — С этими словами он протянул руку за блокнотом с бланками радиogramм и написал, не замечая ликующего выражения на лице Бурмана: «К. К. БАСТЛЕР ШТАБУ КОСМИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ НА ЗЕМЛЕ тчк ПРИБОР 1098 ОФЕС РАСПАЛСЯ НА СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ПОД МОЩНЫМ ГРАВИТАЦИОННЫМ ДАВЛЕНИЕМ ВО ВРЕМЯ ПРОХОЖДЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПОЛЕ ДВУХ СОЛНЦ СЕКТОР МЕДЖОР МАЙНОР тчк МАТЕРИАЛ БЫЛ ИСПОЛЬЗОВАН КАК ТОПЛИВО ДЛЯ РЕАКТОРА тчк МАКНАУТ КОМАНДИР БАСТЛЕРА».

Бурман выбежал из капитанской рубки и немедленно радировал послание капитана Земле. На следующее утро, когда он снова вбежал в рубку, он выглядел озабоченным и встревоженным.

— Циркулярная радиogramма, сэр, — объявил он, тяжело дыша, и всунул послание в протянутую руку капитана.

ШТАБ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ВО ВСЕ СЕКТОРА тчк ВЕСЬМА СРОЧНО И КРАЙНЕ ВАЖНО тчк ВСЕМ КОРАБЛЯМ НЕМЕДЛЕННО ПРИЗЕМЛИТЬСЯ В БЛИЖАЙШИХ КОСМОПОРТАХ тчк НЕ ВЗЛЕТАТЬ ДО ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ тчк УЭЛЛИНГ КОМАНДИР СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ЗЕМЛИ.

— Случилось что-то серьезное, — заметил Макнаут, ничуть не обеспокоенный. Он лениво встал и двинулся в штурманскую рубку. Там он посмотрел на карты, набрал номер на внутреннем телефоне и, когда Пайк на другом конце провода поднял трубку, распорядился: — Принят сигнал тревоги. Всем кораблям дан приказ приземлиться. Нам придется повернуть к космопорту Закстедпорт, примерно в трех летних днях отсюда. Немедленно изменить курс. Семнадцать градусов на правый борт, наклонение десять. — Он бросил трубку и проворчал: — Мне никогда не нравился Закстедпорт. Воючая медвежья дыра. Пропал наш месячный отпуск. Представляю, какое настроение будет у команды. Впрочем, я не могу их винить в этом.

— Как вы думаете, что случилось, сэр? — спросил Бурман. Он выглядел каким-то спокойным и удрученным.

— Это одному богу известно. Последний раз циркулярная радиogramма была послана семь лет тому назад, когда Старайдер взорвался на полпути между Землей и Марсом. Штаб приказал всем кораблям оставаться на Земле, пока они расследовали причины катастрофы. — Он потер подбородок, подумал немного и продолжал: — А перед этим была разослана цирку-

лярная радиограмма, когда вся команда к.к. «Блоуган» сошла с ума. Что бы это ни было, это серьезно. Рано или поздно нам сообщат об этом. Мы узнаем о причине еще до того, как достигнем Закстеда.

Действительно, им сообщили. Уже через шесть часов Бурман ворвался в капитанскую рубку с лицом, искаженным от ужаса.

— Что теперь произошло? — потребовал Макнаут, сердито глядя на радиоофицера.

— Этот офес, — едва выговорил Бурман. Его руки конвульсивно дергались, как будто он сметал невидимых пауков.

— Ну и что?

— Это была опечатка. В инвентарном списке должно было быть написано «оф. пес».

Командир смотрел на Бурмана непонимающим взглядом.

— Оф. пес? — переспросил он, произнося слово, как ругательство.

— Смотрите сами. — С этими словами Бурман бросил радиограмму на стол и стремительно выскочил из рубки, забыв закрыть дверь.

Макнаут недовольно хмыкнул и взглянул на радиограмму.

ШТАБ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ БАСТЛЕРУ
тчк ПО ПОВОДУ ВАШЕГО РАПОРТА О В1098 ОФИЦИАЛЬ-
НОМ КОРАБЕЛЬНОМ ПСЕ ПИЗЛЕЙКЕ тчк НЕМЕДЛЕННО
РАДИРУЙТЕ ВСЕ ПОДРОБНОСТИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
ПРИ КОТОРЫХ ЖИВОТНОЕ РАСПАЛОСЬ НА СОСТАВ-
НЫЕ ЧАСТИ ПОД МОЩНЫМ ГРАВИТАЦИОННЫМ НА-
ПРЯЖЕНИЕМ тчк ОПРОСИТЕ КОМАНДУ И РАДИРУЙТЕ
ВСЕ СИМПТОМЫ ИСПЫТАННЫЕ ЧЛЕНАМИ ЭКИПАЖА
В МОМЕНТ НЕСЧАСТЬЯ тчк ВЕСЬМА СРОЧНО КРАЙНЕ
ВАЖНО тчк УЭЛЛИНГ СПАСАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА КОСМИ-
ЧЕСКОГО ФЛОТА.

Закрывшись в своей каюте, Макнаут начал грызть ногти. Время от времени он, скосив глаза, проверял, сколько осталось, и продолжал грызть.

Перевел с английского
И. ПОЧИТАЛИН

